

кавшее на разных праславянских территориях). Однако из этого вовсе не следует отрицание связи аканья и редукции для другой, более поздней системы (и притом редукции не обязательно количественной: есть основания предполагать качественную редукцию безударных гласных, связанную с признаком напряженности), где сами принципы контекстуальной нейтрализации становятся иными. Если «сторонники гипотезы позднего происхождения аканья неправомерно игнорируют праславянскую фонологическую систему» (стр. 113), вряд ли следует обратным образом повторять их ошибку и настаивать на «типологическом» сходстве всякого варианта «аканья». В этом смысле любые попытки фонологической интерпретации конкретно-исторического варианта аканья, напротив, следует признать плодотворными, даже если покамест они не обоснованы всесторонне (ср. высказывание Ф. П. Филина на стр. 108). Особенно интересное толкование предложено В. К. Журавлевым, по-видимому, нашедшим принципиальную разницу между праславянским и русским аканьем³, которая основана на нейтрализации по разному признаку. В других случаях также можно обнаружить некоторые противоречия в изложении древнерусских фактов, и они всегда связаны с синтагматическим изменением фонем (ср. еще отрицание фонетической дистрибуции фонемы *ǣ* в XI в. на стр. 161 и ее признание на стр. 164—165).

Все это приводит к мысли, что пределом компетенции исторической диалектологии является та лингвистическая единица плана выражения, которая способна самостоятельно служить средством диалектного разграничения: фонема, морфема, лексема. Более того, соединяя вместе все описанные в книге признаки диалектного варьирования, легко обнаружить, по

³ В. К. Журавлев, О праславянском кратком *ǎ/o* и аканье, в кн.: В. И. Георгиев, В. К. Журавлев, Ф. П. Филин, С. И. Стойков, Общеславянское значение проблемы аканья, София, 1968, стр. 41 и сл.

каким именно признакам синхронной системы намечается диалектное варьирование — эти признаки периферийны по отношению к действующей системе, которая одна и представляет собою на каждом синхронном срезе действительный язык. Диалектное же варьирование организуется на признаках, преобразующих эту систему. Это ясно уже из того, что временные диалектные признаки впоследствии утрачиваются потому, что связаны с развивающейся системой (см. примеры, приведенные выше: преобразование редуцированных и т. д.). Вот почему для исторической диалектологии система каждый раз оказывается неуловимым феноменом — но это не значит, что на других уровнях описания следует отказываться от всяких попыток ее реконструкции. Разумеется, такая реконструкция предполагает уже совершенно другую точку зрения на материал и на принципы его исследования.

Последующие разработки в области русской исторической диалектологии, солидной базой которых явится монография Ф. П. Филина, внесут некоторые уточнения в конкретные ее результаты — автор и сам рассчитывает на такую возможность. Будет всесторонне оценена эмпирическая база книги. В нашу задачу входит лишь дать общую оценку теоретическим принципам построения восточнославянской исторической диалектологии. Разумеется, можно спорить с автором в истолковании отдельных особенностей изменения, отводить некоторые факты или досадовать на опечатки (особенно многочисленные в сносках), однако совершенно ясно, какое большое значение эта монография имеет для современной разработки исторической диалектологии. Это не просто итоговый труд по теме, которая в последнее время выходит на повестку дня; работа Ф. П. Филина вместе с тем указывает направление поисков, возможности исторической реконструкции диалектного членения языков, сформировавшихся «на глазах истории». Это направление историческое.

В. В. Колесов, В. М. Марков

М. М. Гухман. Язык немецкой политической литературы эпохи Реформации и Крестьянской войны. — М., изд-во «Наука», 1970. 275 стр.

Лингвистическое исследование немецкой политической литературы XVI в. находится как бы в центре пересечения различных дисциплин и, безусловно, заслуживает самого пристального внимания. С одной стороны, проблема «Язык и политика» весьма актуальна в наши дни, ибо в последнее время за-

дачи лингвистики значительно расширились и вышли далеко за пределы анализа системы языковых знаков в узком смысле — на первый план все более и более выступает изучение конкретного акта коммуникации, исследование и описание классов коммуникационных ситуаций. Тем самым становятся очевидными и део-

логические компоненты лингвистики как социальной науки¹.

С другой стороны, в центре германистических лингво-исторических исследований стоят проблемы, связанные со становлением нормы современного литературного языка. Несмотря на долгую историю изучения, многие вопросы еще нуждаются в выяснении. При этом исследовании развоятся, в основном, в двух направлениях: используются новые методы (структурные, статистические и др.) и расширяются источники в географическом, хронологическом и социологическом планах, а также в отношении изучения различных уровней языка². Рецензируемая работа находится как раз в русле всех этих проблем.

И в частных исследованиях, и в фундаментальных работах автор показал себя большим знатоком истории немецкого языка и истории германских языков. В рецензируемом труде автор обращается к исследованию языка XVI в., который по сравнению с более ранними периодами долгое время оставался за пределами внимания языковедов. Исследование концентрируется вокруг материалов, игравших до сих пор весьма незначительную роль в лингво-исторических штудиях: так называемых «листочков». Автор справедливо считает XVI в. эпохой больших социальных потрясений, которые в сравнительно короткое время породили богатую литературу самых различных жанров. Однако, по мнению автора, историки языка до настоящего времени делали весьма односторонний выбор из всего этого литературного богатства: кроме языка художественной литературы, исследовались, прежде всего, язык религиозной прозы, а также так называемый деловой или канцелярский язык. Впрочем утверждение автора о том, что «за пределами интересов языковедов все еще оставались целые пласты различных жанров немецкой письменности этой эпохи» (стр. 11), представляется нам слишком категоричным. Имеются работы, посвященные рассмотрению научной прозы³,

языку народных книг (Volksbücher)⁴, а также другим текстам (частью частного характера), отражающим язык различных слоев населения⁵. Следует, наконец, указать на исследование правовых памятников⁶.

Во всяком случае заслуга автора состоит в том, что он со всей определенностью указал на важность исследования листовок XVI в. для истории языка⁷. Под термином «листочек» имеются в виду предназначенные для массового распространения печатные материалы различного жанра, объема (от 3 до 50—60 стр.) и содержания: альманахи, полемические сочинения (частично в форме диалогов), информация о событиях того времени (и не только политического характера), публикации песен светского и религиозного содержания и др. Составителями листовок являлись известные личности, например, Томас Мюнцер, Мартин Лютер и Ульрих фон Гуттен; многие листовки, однако, остались анонимными, даже без указания имени печатника или места издания. Нередко одна и та же листовка публиковалась в самых различных местах. Сейчас уже нет возможности восстановить полный перечень листовок, появившихся в рассматриваемую эпоху; однако определенное представление об этом дает изданный П. Хоэнэмзером список листовок из имеющегося во Франкфуртена-Майне (неполного) собрания. Он описывает свыше 800 листовок на немецком и латинском языках за период с 1520 по 1530 г., в которых речь идет об актуальных событиях того времени.

Изучение политических листовок с точки зрения истории языка требует выяснения стоявших за ними политических сил и сущности классово-войн того времени. Автор решает эти задачи в двух первых главах своей работы (1. «Политическая литература эпохи Реформации и Крестьянской войны. Задачи исследования»; 2. «Общая характеристика листовок как особого

⁴ Ср., например: E. Hagfors, Die Substantivdeklinaton im «Volksbuch vom Doctor Faust», «Memoires de la Société néophilologique», 2, Helsingfors, 1897.

⁵ Ср., например: E. Hartmann, Beiträge zur Sprache Albrecht Dürers, Halle, 1922; K. Krieger, Die Sprache der Ravensburger Kaufleute um die Wende des 15/16 Jahrhunderts, Heidelberg, 1933.

⁶ Ср. обзор: R. Grobe, Zur sprachgeschichtlichen Untersuchung der spätmittelalterlichen deutschen Rechtsdenkmäler, «Forschungen und Fortschritte», 38, 1964.

⁷ Ср. об этом в настоящее время также: H. Winkler, Der Wortbestand von Flugschriften aus den Jahren der Reformation und des Bauernkrieges in seiner Einheitlichkeit und landschaftlichen Differenziertheit, Diss., Leipzig, 1971.

¹ Ср., например: B. W. Schmidt, Zur Ideologiegebundenheit der politischen Lexik, «Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung», 22, 1969; P. Suchsland, Über den Zusammenhang von gesellschaftlichen Strukturformen und menschlicher Sprache, «Sprachpflege», 21, 1972.

² Ср., например, изданную Г. Фойделем серию «Bausteine zur Geschichte des Neuhochdeutschen», опубликованную в рамках «Публикаций Центрального института языкознания» Академии наук ГДР в Берлине.

³ Ср., например, обзор: G. Eis, Mittelalterliche Fachliteratur, Stuttgart, 1962, куда включены работы, относящиеся к XVI в.

типа письменности и их жанровые разновидности»), обращая особое внимание на наиболее существенные моменты. Объектом исследования при этом служит содержание определенных листовок. В частности, разбирается один из наиболее древних памятников немецкой утопической литературы — изданная в 1527 г. в Лейпциге Г. Херготом листовка «Von der neuen wandlung eynes Christlichen Lebens».

Значение листовок для истории языка состоит прежде всего в том, что они представляли собой средство вовлечения широких народных масс в религиозное и политическое движение, что в свою очередь открывало новые области использования немецкого языка. Применение языка для непосредственной политической агитации и пропаганды означало появление новой социальной функции немецкого языка. При этом листовки вовсе не отличаются единообразием — ни по содержанию, ни по жанру, ни в отношении территориального или социального характера их языка.

Автор следующим образом формулирует основные задачи своего исследования: анализ языковой вариантности и определяющих ее факторов (территориальных, жанрово-стилистических, социальных, индивидуальных особенностей автора и издателя); соотношение языка листовок и развивающегося литературного языка на фоне все усиливающегося процесса унификации языка; определение статуса листовок в пределах системы форм существования языка рассматриваемой эпохи. Уже из этого перечня задач, которые поставил перед собой автор, видно, что рассмотрение политических листовок не ограничено здесь узкими рамками анализа звуковых, графических и грамматических явлений; автор стремится связать лингвистическую характеристику этой группы источников с основными проблемами современного языкознания.

Поставленные задачи определяют выбор материала. Автор рассмотрел более 400 листовок; около 150 из них объемом более 2500 страниц (они относятся к периоду с 1519 по 1529 г.) положены в основу исследования. Больше половины исследованного материала составляют первоисточники, остальной материал почерпнут автором из лингвистически безупречных изданий. Как показывает автор, центры издания этих листовок лежат в южно- и среднемецких областях.

На вопрос о том, правомерно ли объединять рассматриваемые весьма разнообразные печатные материалы под общим термином «листовки», автор отвечает положительно, и мы всецело присоединяемся к нему в этом отношении. В качестве основного аргумента автор называет актуальность содержания листовок. Это

находит свое выражение в нередко наблюдаемом в листовках непосредственном обращении к определенным лицам; возникают целые серии листовок, в которых обращение и ответ лиц, участвующих в полемике (например, Лютера и Эмзера) соотносены друг с другом. Злободневность, а также некоторые другие особенности создания листовок, как правило, исключали тщательную языковую обработку политической литературы с точки зрения звуковых, графических и грамматических явлений; однако общественная функция листовок определяла характер их языка: составители стремились к ясности, наглядности, убедительности и действенности, в связи с чем применяли соответствующие языковые средства. Излюбленными приемами полемики являлось использование цитат из библии, пословиц и поговорок, уничижительное перемещение букв в имени и фамилии противника (например, *Murner* > *Murnarr*), использование грубой лексики. Правда, эти приемы не применяются в одинаковой мере во всех листовках.

Особую роль играли диалоги. Традиции классического диалога перешлетаются здесь с традицией шуточной народной комедии. Представители угнетенных классов обычно выступают в диалогах как поборники прогрессивных идей.

В обширной третьей главе своей работы («Влияние локальных факторов на дифференциацию языка политической литературы», стр. 71—197) автор обращается к языковым явлениям и в первом разделе исследует роль печатника в локальной дифференциации языка листовок. Основной вопрос заключается в том, в какой мере печатники влияли на язык рукописи или определяли его. В связи с этим возникает целый ряд проблем. Автор по-новому подходит к решению всех этих вопросов, хотя из-за отсутствия другой специальной литературы ему приходится ограничиться только работами Гётце. Возможность непосредственного сопоставления рукописи и ее отпечатка в значительной мере исключена, так как мы почти не располагаем рукописными оригиналами листовок. Вместо этого можно сравнивать (хотя также лишь при определенных условиях, которые не всегда налицо): 1) различные печатные издания одного и того же текста; 2) различные произведения одного и того же автора, отпечатанные у различных печатников; 3) печатные издания произведений различных авторов, отпечатанные одним и тем же печатником.

В качестве объекта исследования на основе первого из этих методических принципов автор избрал антипанистскую листовку Ульриха фон Гуттена, изданную в Аугсбурге в 1521 г. и перепечатанную в Эрфурте, Спрасбурге, Вормсе и Шпайере; кроме того, исследуются крестьянские «Zwölf Artikel», которые пред-

ставлены более чем двадцатью различными печатными изданиями, а также диалог «Карстханс». Отдельные печатные издания одного и того же произведения не обнаруживают почти никаких различий в тексте и в содержании, очень незначительно отличается их лексика и морфология. Определенные расхождения наблюдаются только на уровне фонетики и графики. Однако эти различия не отражают в полной мере особенностей первоисточника или места переиздания. Мы не думаем, что последнее можно считать «несколько неожиданным», как утверждает автор (стр. 87); скорее всего для рассматриваемого периода было вполне нормальным, что вместилище печатников в звуковой и графический облик листов было непоследовательным и неполным. Автору, видимо, следовало бы несколько больше учитывать характер соотношения отдельных текстов. Для рассматриваемых проблем весьма важно, например, что издание «Карстханса», выполненное Раммингером в Аугсбурге, не является непосредственной перепечаткой предыдущего аугсбургского издания Надлера, а основывается на издании Петри в Базеле. Кроме того, как сейчас выяснилось, мнение Буркхардта о том, что одна из перепечаток была осуществлена Вольфом Кёпфелем (автор опирается на эти данные, стр. 88), оказалось неверным; печатное издание было выполнено М. Малером в Эрфурте⁸.

Использование второго методического принципа иллюстрируется автором на материале произведений Г. Кеттенбаха, Т. Мюнцера, И. Экка и И. Фабри. И на основе этого сопоставления выясняется, что вариативность языковых средств проявляется прежде всего на фонетико-графическом и частично морфологическом уровне; это в значительно меньшей степени или вовсе не относится к синтаксису, лексике и стилю. Речь идет об известных явлениях нововерхненемецких дифтонгов (*min — mein, üf — auf*), о лабиализации или делабиализации, о вариативности суффиксов (*-nis — -nus*) и др. При этом наблюдаются значительные расхождения в деятельности отдельных печатников, и даже различные произведения, печатавшиеся одним и тем же издателем, не обнаруживают языкового единства. Это вполне понятно, поскольку в то время не было еще обязательной кодифицированной языковой нормы и поэтому печатники стремились лишь приблизиться к существующему языку.

Третий методический принцип положен в основу исследования печатных произведений из Аугсбурга, Бамберга, Шпайера, Страсбурга, Эрфурта и других восточносредненемецких городов. При этом автор устанавливает существование из-

вестных различий. В то время как печатные произведения из Бамберга, Шпайера и Страсбурга обнаруживают исключительно пеструю картину, аугсбургские печатные произведения дают возможность выделить более стабильные фонетико-графические общие черты. Это позволяет автору «постулировать существование определенной нормы аугсбургских книгопечатников» (стр. 102), хотя позднее об этом говорится более сдержанно (стр. 148). Наконец, автор особо выделяет восточносредненемецкий ареал. Ни в одном другом районе Германии не наблюдается в эти годы столь значительного числа издательских центров с такой огромной продуктивностью в издании политической литературы, как в этом районе. Язык этих печатных произведений отличается значительным единообразием; различия наблюдаются чаще всего лишь в ограниченной группе определенных лексем. Это положение имеет большое значение для понимания роли восточносредненемецкого ареала в процессе унификации немецкого литературного языка.

Во втором разделе третьей главы автора интересует не соотношение между авторской редакцией текста и редакцией печатника, а соотношение между специфическими для данного центра формами и формами, свойственными чуждой письменной традиции, включаемыми в данное издание. Делается попытка установить фонетико-графические (старые монофтонги *i, ü, û*, старые дифтонги *uo, ðe, ou*, явления повышения и понижения, апокопа, *a/o* в *soll, oder*) и морфологические (личные окончания глагола во мн. числе, парадигма глаголов *haben, sein, stehen, gehen*, вариантность префиксов и суффиксов, образование уменьшительных имен существительных) изоглоссы; в качестве дополнения привлекаются также лексические элементы (*nit — nicht — nüt* «nicht»; *losen — horen, beten — warten* и др.). Однако автором не рассматриваются консонантные явления типа *gegen* «*gegen*», *rauer* «*Vauer*» и *pusch* «*Busch*», начальное *s-* перед согласной (*sl-/schl-* и т. д.), вариация *-b-* и *-w-*, а также такие морфологические явления, как различия в формах мн. числа существительных и различия, возникающие при выравнивании претеритальных форм сильных глаголов. Таким образом, фундамент исследования в этом отношении все же несколько узок. Выводы не являются неожиданными: язык политической литературы (как в пределах одного и того же издательского центра, так и — в еще большей мере — в различных центрах) характеризуется множественностью вариантов. Противопоставляются, однако, два замкнутых ареала — юго-западная и восточносредненемецкая языковая область. Автор считает правомерным говорить здесь о «двух подсистемах, или двух локальных вариантах» (стр. 197)

⁸ Ср.: Н. Winkler, указ. соч., стр. 52, 92 и сл.

К выводам третьей главы, в основном, можно вполне присоединиться и особенно приветствовать предложенную автором методическую процедуру. Однако в некоторых местах приводимый языковой материал или его интерпретация представляются спорными или требующими некоторых корректив. Так, *schepffen*, *gewiift* (стр. 86), *wirdig* (стр. 91) приводятся в качестве примеров делабиализации («Entgründung»), хотя на самом деле современные формы *schöpfen*, *gewußt*, *wurdig* являются более поздними. В отдельных случаях вместо простой регистрации и инвентаризации различных форм желательнее было бы обратить больше внимания на их историческое истолкование. Это относится, в частности, и к параллельному использованию *sin/sein* и др. в «Карстхансе», которое автор называет «смешением дифтонгированных и недифтонгированных форм» (стр. 88). Здесь вряд ли можно говорить о «существовании диаметрально противоположных закономерностей» (стр. 148), ибо речь идет о действии лишь одной закономерности: появлении новых дифтонгов в письменной традиции. Эта тенденция развития, однако, реализуется не сразу, что вполне обычно для явлений подобного рода.

Колебания в использовании *o* и *u*, которые играют определенную роль при фонетико-графической характеристике большинства листовок (ср. также стр. 167—169), можно истолковать правильно, если различать следующие явления.

1. Для средневерхненемецкого *o*:

1.1. Поднятие до *u* в случаях типа *Wuche* «Woche», *hufft* «hofft», *uben* «oben». У кратких гласных это является и в наши дни особенностью языка определенных слоев населения, говорящих на восточносредненемецком *Umgangssprache* (за исключением позиции перед *r*).

1.2. Действие аналогии в аблаутных формах с *u* в случаях типа *gewurffen* «geworfen», *gehulffen* «geholfen».

1.3. Наличие древневерхненемецких или средневерхненемецких параллельных форм с *o/u*, например, *trucken* — *trocken*, *puchen* — *pochen* и т. д.

II. Для средневерхненемецкого *u*:

2.1. Понижение до *o* перед *r* (*torm* «Turm»). Сейчас это является особенностью некоторых разновидностей восточносредненемецкого *Umgangssprache*, но отсутствует в письменном языке.

2.2. Понижение до *o* перед носовыми, например, *son* «Sohn», *fromm* «fromm» — весьма характерное явление для современного литературного языка.

2.3. Понижение до *o* в нейтральной позиции, например, *Schoß* «Schuß», *Zober* «Zuber» не представлено в литературном языке и почти не встречается в восточносредненемецком *Umgangssprache*.

2.4. Аналогические образования и ста-

рые параллельные формы, например, *hulden* — *holden* «дать клятву верности»; *gulden* — *golden*.

Пересекающиеся тенденции привели к колебаниям в написании того или иного слова. Довольно рано засвидетельствованные написания слов с *o* (*Sonne*, *Sonntag*, *Wonne*) оказывали консервирующее влияние друг на друга.

Как уже отмечалось, огромная заслуга рецензируемой книги состоит в том, что ее автор выходит в своем исследовании далеко за пределы характеристики листовок с фонетико-графической точки зрения. Языковое многообразие этих памятников следует объяснять не только территорияльными, но и стилистическими различиями. Этот вопрос очень четко ставится в четвертой главе («Жанрово-стилистическая дифференциация языка политической литературы», стр. 198—234). Языково-стилистическими критериями являются использование лексики более «низкого» обиходного языка, применение метафор и сравнений, элементов диалога. С другой стороны, следует принять во внимание использование латинских элементов либо в форме целых цитат из латинских произведений, либо в форме отдельных слов (геср. словосочетаний). Они имеют двоякую функцию: 1) в качестве традиционных стилистических средств они придают тексту книжную окраску; 2) либо служат дополнительным языковым средством дискредитации католической церкви. По традициям латинской риторики используется также нагромождение эпитетов и синонимов.

Для исследования жанрово-стилистических различий привлекаются также синтаксические явления, а именно: причастные конструкции, позиция субстантивного определения в гонитиве, глагольная рамка в главном и придаточном предложениях. Тем самым рассматриваются существенные и весьма показательные явления, и выводы, которые мы не имеем возможности привести здесь подробно, позволяют сделать ценные дополнения к известным фактам синтаксического развития в этой области. Так, в определенной части листовок использование причастия I в качестве традиционной синтаксической модели книжного языка выходит за пределы адъективно-атрибутивной функции. Что же касается глагольной рамки (стр. 227—235), то учет синтаксической структуры элементов, находящихся вне рамочной конструкции, мог бы, очевидно, еще более уточнить и дифференцировать картину; в настоящее время предожженные словосочетания и сравнения имеют тенденцию выходить за рамку («Ausrahmung»).

В связи с социальной характеристикой языка листовок (глава 5, стр. 235—251) автор справедливо указывает на то, что в них непосредственно не отражается

язык народных масс, а используется литературный язык. Это относится и к крестьянским двенадцати тезисам. Наддиалектный характер языка обнаруживается прежде всего в определенном выборе местных языковых признаков и в замене территориально ограниченных особенностей элементами «чуждой» письменной традиции. В этой связи, с одной стороны, исследуется соотношение между языком листовок и языком народных проповедей и народной драмы; с другой стороны, анализируется соотношение языка листовок с деловым и канцелярским языком. В большинстве политических листовок явления наддиалектного характера не встречаются в том объеме, который типичен, например, для языка канцелярии курфюрста Саксонского. Это позволяет сделать вывод об иных социальных источниках изучаемого языка. Автор приходит здесь к исключительно интересным положениям относительно процесса языковой унификации и нормирования. Справедливо указывается, что «диалектика этого сложного процесса заключалась в том, что на раннем историческом этапе объединительные тенденции вызвали появление дополнительных вариантов, поскольку формирование изоглос-

широкого охвата не сразу вело к исчезновению узколокальных форм» (стр. 249). Наконец, в этой связи еще раз подчеркивается особый статус языка политической литературы восточноевропейского ареала (стр. 251).

Подведем итоги. Рецензируемая работа заслуживает самого большого внимания уже потому, что в ней исследуются памятники, до сих пор находившиеся вне поля зрения историков языка. Анализ производится частично на основе новых методических принципов и является великодушным примером комплексного исследования древних текстов, начиная от изучения фонетико-графических явлений вплоть до стилистической характеристики. Тем самым вносится ценный вклад не только в лингвистически фундированное описание и дифференциацию листовок, но и в методику исторических исследований языка. Используя выводы, полученные на основе описания текстов, для характеристики процессов языковой унификации и выявления закономерностей становления единой кодифицированной нормы, автор вносит свой вклад в обсуждение одной из ведущих проблем истории немецкого языка.

В. Флайшер

Перевел с немецкого М. М. Маковский

«Развитие фонетики современного русского языка. Фонологические подсистемы».—М., изд-во «Наука», 1971. 344 стр.

Содержание рецензируемого сборника широко. Семь разделов сборника представляют разные аспекты фонетики и фонологии: это и публикация беседы В. Н. Сидорова с молодыми сотрудниками Института русского языка АН СССР о московской фонологической школе, и рассмотрение факторов, определяющих развитие фонетической системы современного русского языка, и исследование разговорной речи и просторечия. В сборнике помещены и работы, основанные на инструментальном и шире — экспериментальном анализе звуковых явлений, интересная подборка коротких «заметок о русской фонетике» и, наконец, статьи, посвященные описанию принципов работы с фонетическим вопросником. Учитывая особую важность обсуждения некоторых общих вопросов, мы ограничились здесь рассмотрением лишь тех статей, где вопросы эти раскрыты наиболее подробно.

Речь идет, прежде всего, о причинах фонетических изменений; о том конкретном материале, который является исходным при фонетическом анализе, а также о методе анализа этого материала; наконец, о тех отношениях, которые существуют между фонологической системой современного литературного языка и под-

системами, выделяемыми на основании фонетических характеристик.

Программная статья сборника — «О грамматических факторах развития фонетической системы современного русского языка» (авторы — М. Я. Гловинская, Н. Е. Ильина, С. М. Кузьмина, М. В. Панов). Основная мысль статьи заключается в том, что фонетическая система языка развивается в соответствии с тенденциями развития грамматики: как образно выражаются авторы, «... фонетика только четко отвечает на потребности грамматического развития и преданно следует за ней (за грамматикой.— Л. Б.)» (стр. 21).

Считая основным направлением грамматического развития в современном русском языке стремление к аналитизму и агглютинативности, авторы рассматривают, каким образом это отражается на судьбе консонантизма и вокализма общеупотребительных слов и на судьбе фонетики редких слов.

Тенденции грамматического развития приводят, по мысли авторов, к тому, что возникает необходимость, с одной стороны, в сохранении единообразного вида морфемы в разных словах, с другой, в более резком разграничении морфем, следующих друг за другом в слове.